

STARTALK PROJECT: Choose to Study Russian for Professional Needs

Russian and International Relations

Международные отношения. Интервью с профессором политологии Майклом Макфолом.

Биография: Майкл Макфол — политолог, дипломат, профессор Стэнфордского университета. В 1991 году получил учёную степень Ph.D. по международным отношениям в Оксфордском университете, защитив диссертацию на тему «Южноафриканское движение за освобождение и вмешательство великих держав: к вопросу о теории революции в международном контексте». В 1993-1995 годах работал в московском Центре Карнеги, с 1995 года — в Стэнфордском университете. Макфол занимал должность специального помощника президента США Барака Обамы по вопросам национальной безопасности с 2009 по 2011 годы, где стал известен как архитектор так называемой «политики перезагрузки» отношений с Россией. В 2012-2014 годы занимал пост посла США в Российской Федерации. Профессор Макфол является автором многочисленных книг по вопросам перехода к демократическому государственному устройству.

1. Пожалуйста, расскажите о себе.

Майкл Макфол (М.М.): Меня зовут Майкл Макфол, я профессор политических наук Стэнфордского университета, в том числе, я научный сотрудник Института Гувера и научный сотрудник так называемого Института международных отношений. Я директор этого института. Я уже давно здесь и был профессором в (19)95-ом году. Я начал здесь работать, здесь в Стэнфорде, и до сих пор я здесь.

2. Когда и где вы начали изучать русский язык?

М.М.: Я начал изучать русский язык, когда я был первый раз здесь в Стэнфорде, а первый курс у меня был в 81-ом году, я начал изучать русский язык. И я был обеспокоен, что у нас был конфликт между Советским Союзом и США. Я из Монтаны, между прочим, я родился там, я жил там восемнадцать лет. И когда я попал в Стэнфорд студентом, это было для меня самое главное — эта угроза, это конфронтация, холодная война. Рейган только что победил на выборах, и я хотел узнать об этих советских людях сам, не только, что я читал в газетах, я хотел увидеть, что такое Советский Союз, и из-за этого я начал изучать русский язык. Я не владею русским языком, имейте это в виду, я хочу это ещё раз сказать. Я изучал русский язык в Стэнфорде, в 81-ом я начал. Летом в 83-ем году я был в ЛГУ (Ленинградский государственный университет и летняя школа). Я был там восемь недель, по-моему, изучал ещё раз в 85-ом году, это было в Институте имени Пушкина, в Москве. А потом я закончил изучать русский язык.

3. Студентам, для которых русский язык иностранный, трудно добиться совершенного владения языком. Что вам помогло выучить русский язык?

М.М.: Я считаю, что я очень плохой студент русского языка, но много раз жил в России. И что я понял в конце концов: я буду говорить с ошибками, как сейчас. Когда я был послом, я делал ошибки, но я решил очень рано, с самого начала не обращать внимание на ошибки. Если это кому/кого, -их, -ым — если ты будешь об этом беспокоиться, ты никогда не будешь говорить. Сначала я хочу сказать, что я очень нервничал всё время, когда я говорил: правильное слово или нет, и всё время психологически я об этом думал. А когда был этот прорыв и, наверное, это было в 90-91-ом году, я опять-таки жил в Москве. А Московский университет, государственный университет, я был там, и именно в этом году я в конце концов понял, что не надо беспокоиться, как, сколько ошибок я буду говорить, а попробовать просто пообщаться с людьми. А потом, когда был распад Советского Союза, я начал писать о России, и, безусловно, я давал очень много интервью на русском языке. Я читал на русском языке, не писал, я очень плохо пишу по-русски, но это помогало моей научной работе, безусловно. Без русского языка я не смог бы написать те книги, которые помогли мне получить эту работу здесь в Стэнфорде, это первое. Во-вторых, я служил в правительстве, я работал три года в Белом доме с президентом Обамой. Я отвечал за Россию и Среднюю Азию в Совете Безопасности, а потом два года в Москве в качестве посла, я служил послом.

4. Приведите пример, когда в вашей профессиональной деятельности знание русского языка и культуры сыграло решающую роль.

М.М.: Мой шеф, президент Обама звонил президенту Медведеву, а там был переводчик, естественно, да? А я сидел на диване и слышал этот разговор по другой трубке. Но было кое-что, где это было очевидно, что переводчик не успел перевести всё, что было сказано. А после этого я много раз говорил с Обамой и сказал: вот, что он имел в виду. И я получил доверие от президента Обамы, что я действительно знал, о чём речь идёт: об оружии, Афганистане и так далее. Но он тоже понял, что я понимал русский язык. Из-за этого он меня пригласил на все встречи и с Медведевым, и с Путиным. И потому, что он мне доверял, что я могу помогать ему, когда ... сюжет, о чём речь идёт, и с языком. И даже был один случай, очень такой критический: мы делали такой договор с Россией, когда я работал в Белом доме. Называется на русском языке... Это на английском New START Treaty, по-моему. На русском, это СНВ-3, если я не ошибаюсь. И был очень критический момент, когда мы решили, что у нас есть договоренность. И вдруг было такое большое разногласие с Медведевым насчёт ПРО (Американская система противоракетной обороны в Центральной и Восточной Европе)... И я не буду детали, это очень сложно, но был один момент, когда я понял, что кое-кто в нашей команде говорил кое-что их команде, что не было правдой, что не было нашей позицией. Я знал наши позиции, поскольку я курировал внешнюю политику Белого дома по России. И я — это было несколько минут — я в конце концов это понял. Я подошёл к Обаме, он сидел с телефоном, и он всё время говорил: "Почему Медведев так говорит? Я не понимаю, о чем речь идёт". А я всё это понял, и я к нему подошёл. Я написал (у меня очень плохой почерк, между прочим, на английском языке и намного хуже на русском языке), и я написал для него, о чём речь идёт, поскольку я понял на русском языке Медведева. И потом он понял, и он должен был сказать что-то на 100% отличное от того, что наши дипломаты говорили. И это был очень такой жёсткий разговор. Он был очень ... как сказать... Он очень сдержанный человек, между прочим, Обама, а в этот раз он был расстроен. Это было очень полезно для этого разговора, и в конце концов мы подписали этот договор. А между прочим, я могу показать это. Я только что вспомнил, вот где этот звонок, о чём я только что говорил. И этого бы без русского языка я не смог сделать. И последнее на эту тему — я просто заканчиваю. Ну, конечно, быть послом в России и не говорить по-русски... И есть

многие, кто не владел русским языком. Но когда я стал послом, я всё время пробовал говорить по-русски и на телевидении, и на радио. Я даже читал лекции на русском языке. И несколько раз я делал ошибки, естественно. Но это, безусловно, помогало мне иметь контакты с русскими. Я это чувствую всё время. И я не могу представить, как делать эту работу без русского языка.

5. Когда и почему вы решили начать работать на государственной службе?

М.М.: Я не решал ничего, Обама решил. Но я объясню. Я работал в его предвыборной кампании два года. Моя коллега, моя подруга, её зовут Сюзан Райс, она курировала команду по внешней политике для Обамы. Я должен сказать, что я сам сначала очень мало знал об Обаме, но я доверял Сьюзан Райс и подключился к её команде. А когда мы победили, тогда был такой переходный процесс. Имейте в виду, что были сомнения, работать ли мне в Совете Безопасности или стать послом в Украине. Это было 2008 году, интересно об этом подумать сегодня. Но из-за этого потом я работал в Белом доме – то есть я был политической фигурой, у нас в системе так и бывает. У нас обычно аутсайдеры — те, кто ни в правительстве, ну, как профессора — обычно они служат где-то два года, даже меньше, а потом возвращаются на своё прежнее место работы, как я сейчас работаю в Стэнфорде. И это был мой план, между прочим. И это было то, что я предлагал для моей семьи, которой ... им было бы безразлично жить в Вашингтоне, но через два года они хотели вернуться домой, и у нас был такой семейный договор, договоренность в этом плане. И я поговорил с моим шефом и сказал: ну, мы хорошо провели время, но мне надо вернуться. И он сказал: нет, ты не можешь сейчас, у нас слишком много работы. А потом он поговорил с Обамой, и Обама сказал то же самое: что Майкл не может уйти сейчас, надо попробовать найти возможность, чтобы он остался. И в конце концов, предложение от Белого дома и от Обамы было продолжать работать в администрации Обамы, но перейти на новую работу, более подходящую для семейной жизни. И вот как я стал неожиданно для себя послом в России.

6. Сейчас в Соединённых Штатах очень востребованы специалисты в разных областях со знанием русского языка. Как вы думаете, какие карьерные возможности открываются перед ними на государственной службе?

М.М.: Но, к сожалению, есть огромные возможности. 30 лет назад, когда был распад Советского Союза, конец холодной войны, «конец истории», как мой коллега Фукуяма написал (он профессор Стэнфордского университета), было две тенденции. Во-первых, была возможность жить в России и делать бизнес. И я работал на Московский центр Карнеги сначала. Это было очень хорошее время, чтобы жить в России, между прочим, интересное время. Они хотели строить демократию и рыночную экономику и дружить с Америкой. И это было чудесное такое время. Но из-за этого многие считали, что Россия уже не важна. Другая тенденция была: неважно, сейчас надо заниматься китайским языком. И здесь, в Стэнфорде упал набор студентов, которые изучали русский язык после этого. Но сейчас, и опять-таки, я хочу подчеркнуть, к сожалению, угроза России и проблема России и Путина и его диктатуры растёт. Конечно, в первую очередь это ужасная, печальная война, которую он ведёт сейчас в Украине. Но я полагаю, опять-таки, к сожалению, Россия для Америки будет очень большой стратегической проблемой для внешней политики. И нам нужны были люди, которые говорили по-русски. Это было очень очевидно, когда я был послом, это уже восемь лет тому назад, имейте в виду. Сотрудники моего возраста, те, кто были ближе ко мне, были очень опытной такой командой, у меня была просто прекрасная команда, все они говорили, практически все прекрасно на русском языке. Но это были люди, которые начали изучать русский язык во времена холодной войны при

Советском Союзе. А средние дипломаты, они не владели русским языком, и у нас был большой дефицит, я сказал бы. И сейчас это очевидно для меня. Я много общаюсь с людьми в правительстве сейчас, все мы работали вместе, когда я работал при Обаме, включая президента Байдена и всю его команду. У них есть люди, которые говорят по-русски, но довольно мало. И нам нужно обеспечить резерв людей, которые понимают русский язык. Это, я считаю, стратегический приоритет для Америки сегодня: китайский язык и русский язык.

7. На ваш взгляд, были ли моменты успешного сотрудничества между Россией и США?

М.М.: Конечно, безусловно, и я очень рад, что вы меня спрашиваете это, потому что многие забывают об этом. Есть ощущение... Я сейчас работаю на телевидении, на NBC, и у меня есть ощущение, когда я говорю с ведущими, как будто бы всё время все в России были злые и ужасные – враги Америки. И это не так. Во-первых, если вы изучаете целиком наши истории — я сейчас пишу книгу, которая начинается с самого начала Америки — 250 лет тому назад у нас было время, когда у нас тоже были хорошие отношения. Люди об этом забывают, а они помогли нам во время нашей революции. Они не поддерживали южные штаты во время Гражданской войны и после, когда были демократические революции 17-го года, до того, как большевики захватили власть, был тоже момент, где мы были очень близки. А потом при Горбачёве и Ельцине было очень такое время... Я жил в России и в Советском Союзе во время периода Горбачёва и Ельцина, и было очень много того, что мы делали вместе. И даже при Медведеве — между первым и вторым туром президента Путина и третьим туром — было время, когда мы действительно много сделали вместе. Мы подписали СНВ-3, о чём мы уже говорили; мы работали вместе против Ирана; мы работали вместе, чтобы обеспечить наших солдат в Афганистане, когда наши солдаты приехали, прилетели через Россию в Кыргызстан, а потом в Афганистан. Но такое сотрудничество — надо вернуться к Первой, ко Второй мировой войне — это было в последний раз, когда американские солдаты (может быть, я не прав, но я думаю, что я прав), это был последний раз, когда американские солдаты летали через Россию. И Россия вступила в ВТО у нас, между прочим, в 2010 году, у меня есть эти данные, я написал книгу на эту тему. Я могу сделать маленький advertisement: и у меня данные там есть, в 10-ом году, 60% российского населения хорошо относились к Америке и 55% американцев имели тоже самый позитивный взгляд на Россию. Это только было восемь лет тому назад. И сейчас это ужасно. Да, сейчас это хуже, чем брежневское время, я считаю, но это не значит, что это будет так всегда. Есть время, есть история, где это было по-другому. И я большой оптимист, и из-за этого у меня есть надежда на будущее.

8. Какими вы видите отношения между Россией и США через 5-10 лет?

М.М.: Поскольку Путин остаётся у власти, я не вижу возможности для какой-нибудь перестройки отношений или перезагрузки. Нет, я не вижу. Я знаю Путина. Мы первый раз встречались, между прочим, в 91-м году, то есть у нас длинная история. И пять лет я работал с ним в правительстве, я много написал о нём, и я знаю его окружение, я знаю его соперников. Я просто не вижу такой возможности для американцев с ним работать. Но он не будет у власти всегда. И после Путина — когда это будет, я не знаю — а после него, я думаю, будет возможность для чего-то нового. Имейте в виду, что после Сталина была десталинизация и период Хрущёва. Я считаю, наверное, будет такое же движение. И есть опросы, которые показывают: молодые люди, образованные люди, богатые люди, городские люди — эта часть населения России, эта часть не поддерживает Путина и хочет наладить лучшие отношения с Европой и Америкой.

Блицопрос

- **Москва или Санкт-Петербург?**

М.М.: Ой, это я не могу ответить, я дипломат всё-таки. Ну, как красивый город — Санкт-Петербург, Ленинград, когда я жил там. Как интересные люди — поскольку я занимаюсь политикой — Москва.

- **У вас есть любимая книга на русском языке?**

М.М.: Нет. Но я подумаю. Я люблю много, но говорить про одну из них... Но, наверное, если номер один — "Братья Карамазовы". Я просто читал эту книгу на русском языке, когда я был студентом. И это был мой первый опыт того, как очень глубоко прочувствовать русский текст, поэтому это произвело большое впечатление на меня.

- **Три совета молодым дипломатам.**

М.М.: Изучать язык, русский язык, если вы хотите быть в Москве или ...или в Казахстане, Киргизстане и так далее, есть много стран, где ты можешь служить, и язык — самое главное. Изучать историю. Это для меня было очень полезно, что я знал историю России и Советского Союза. И третье — понимать, что надо изучать и использовать вашу биографию целиком, чтобы быть хорошим общественным дипломатом. Я считаю, когда я был в Москве, что мы не слишком... недостаточно делали public diplomacy, то есть общественную дипломатию, и это было наше слабое место. А чтобы это делать правильно, надо говорить, что я из Монтаны, я люблю Стэнфорд, я люблю американский футбол. И найти, как ваша биография будет полезна для вашей работы как дипломата.

- **Политический деятель, о котором обязательно должны знать будущие специалисты по международным отношениям.**

М.М.: То есть конкретный человек, да? Алексей Навальный. И надо изучать, кто он на самом деле, а не то, что пропагандисты говорят о нём. Ну я считаю, что он герой, он такая фигура, что редко бывает на свете. И понимать его, как он думает и что он думает. И я не знаю, что будет с ним дальше — он сейчас сидит в тюрьме. Не знаю, будет ли он на свободе или нет, но его идеология, я считаю, крайне важна. А если не он, тогда его команда. Второй человек в этой команде, которую, я считаю, очень важно узнать, как она думает — её зовут Любовь Соболь.

Интервью сокращено и отредактировано для ясности.

© Choose to Study Russian for Professional Needs

Contact us: professional.russian@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.